

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В статье проанализированы теоретико-методологические подходы к определению природы эвристического потенциала политической экономии. Рассмотрены причины и особенности его формирования и использования в условиях рыночной экономики.

Ключевые слова: предмет политической экономии, эвристический потенциал науки.

Постановка проблемы. Модернизация отечественной экономики является общенациональной задачей, поддерживаемой всеми слоями общества. Решение ключевых проблем модернизации возможно лишь на основе достижений науки, поскольку наука и образование являются элементами национальной инновационной системы.

Цель статьи – разработка теоретических и методологических основ анализа и использования эвристического потенциала политической экономии.

Результаты исследования. Бурное развитие рыночных форм хозяйствования при капитализме предоставляет науке, в первую очередь, **изучающей природу, возможность действительно самостоятельного развития.** Те формы науки в виде религиозной схоластики, существовавшие при феодализме, были непригодны для построения индустриальной основы капитализма. Для этого необходимы были рациональные методы научного познания. «Буржуазии, – писал Ф. Энгельс, – для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании» [3, с. 207].

Однако противоречивый характер развития капитализма отражается и в противоречивом развитии науки. С одной стороны, именно капитализм создает базу для всестороннего развития науки, прежде всего естествознания, формирует условия приложения научных знаний в производстве. Впервые наука сознательно развивается и применяется как фактор развития капиталистического производства и превращается в непосредственную производительную силу. Наука становится профессиональной деятельностью особой группы ученых, нанятых капиталом.

С другой стороны, само единство промышленности и науки имеет одностороннюю форму, т. е. воспроизводит абстрактное отношение к природе лишь как средству и материалу производственных потребностей. Односторонность такой формы единства науки и производства проявляется, например, в игнорировании объективной необходимости учета социальных параметров технических решений, проблеме охраны окружающей среды, других социальных факторов, не имеющих прямого отношения к собственно экономической эффективности. Именно в игнорировании социальных параметров экономической жизни капиталом представлена форма конкретно-исторического отношения науки и производства как капиталистического.

Знание, обусловленное непрерывно возрастающими потребностями и способами их удовлетворения с помощью расширения производства и мирового рынка, включается в состав элементов капитала и движется по законам товарного рынка. Научное творчество становится во многом прагматичным, поскольку ставится в зависимость от способности превращаться в полезные капиталу способы его возрастания. Прагматизм выступает определяющей формой отношения теории и практики. Научные исследования во многом становятся востребованными в зависимости от способности превращаться в полезные способы возрастания капитала. Принимаются все новшества, которые способствуют укреплению технологической и организационно-экономической основы капиталистических отношений. Не допускаются лишь те, которые ставят под сомнение существование самого капитала как общественной формы.

Стало быть, соотношение экономической науки и практики в рамках капиталистической формы отношений имеет ограниченный характер, поскольку ограничивается самими пределами капитала. В то же время, поскольку сам капитал заинтересован во всемерной экономии

используемых факторов производства, он создает наибольшие возможности для развития науки. Именно наука становится решающим фактором социального процесса, а ее применение – главным условием развития общественного производства.

Именно в форме этого специфически-исторического противоречия между теорией и практикой происходит реальное развитие науки как способа преобразования действительности. Наука в рамках капиталистической формы производства исходит из представления о способности достигнуть наиболее совершенного состояния хозяйственной практики на основе рыночных отношений путем их развития, трансформации, модификации, но в рамках их собственной генетической природы.

Эволюция отношений экономической теории и практики

Наука, в том числе и экономическая, должна служить практике, но при этом следует понимать, что для того, чтобы быть нужной практике, теория должна обладать таким качеством, которым не обладает практика сама по себе. Известно выражение К. Маркса, что если бы сущность и явление непосредственно совпадали, то наука была бы просто не нужна. В этом и состоит особенность теоретического взгляда на вещи. Наука, которая изучает саму капиталистическую форму хозяйства, будет востребована буржуазной практикой, если сама она будет предлагать рецепты достижения наиболее совершенного состояния экономики на базе капиталистических производственных отношений путем их развития, трансформации, модификации, но в рамках их собственной капиталистической природы.

Практику рыночно-капиталистического хозяйства интересует не сущность экономических явлений, а такая практическая наука, которая была бы способна давать полезные рекомендации.

Что же касается выяснения сущности капиталистического строя, его исторически ограниченного характера, открытия экономических законов его развития, сделанных К. Марксом, то такая теория совершенно бесполезна с позиций капиталистической практики. Социальный заказ со стороны капиталистов, предъявленный к науке, совершенно естественно не приемлет ни такого вывода, ни такой теории, в которой он обосновывается и доказывается.

Даже в этом случае, когда экономическая наука исходит сознательно из исторического анализа, как это имеет место в «исторической школе», она остается в пределах капиталистической формы хозяйства. Через призму истории рассматриваются: развитие обмена и денежного обращения, потребности людей, их отношение к продуктам труда, но только не сам капитал. Под видом учета историзма классика критикуется за попытку проникнуть в сущность объективных экономических процессов, которая вела бы к историческому пониманию самого капитализма. Потому историческая школа объявляет предметом политической экономии национальное хозяйство, его своеобразие в конкретно-исторических условиях, то есть специфику самого капитализма в пределах его собственной сущности, а сами сущностные объективные характеристики экономических отношений растворяются в исторических формах национального хозяйства.

Производственные отношения не рассматриваются как предмет науки. Таковыми становятся общественные отношения, представленные таким институтом, как государство, которое «обнимает всю совокупность человеческих отношений и несет свою цель в самом себе» [2, с. 19].

Стремление отойти от познания сущности объективных экономических форм и перейти к исследованию идеологических правовых институтов указывает на возрастающую практическую роль государства в рыночных национальных системах. Как показывает опыт развития экономической науки, «исторический метод» сохраняется в современных ее течениях, например, в институционализме и др.

Подмена исследования собственно экономических закономерностей социально-правовыми, как правило, надстроечными, приводит, в конечном счете, к сведению производства к технологическому процессу, а производственные отношения – к правовой регламентации взаимоотношений людей в производстве. Именно правовые формы, в которых внешне являются производственные отношения и которые поддаются непосредственному практическому воздействию, становятся предметом экономической теории. Она начинает изучать вопросы экономической действительности в плоскости практических проблем урегулирования различных групп общества.

Например, проблема заработной платы изучается исходя из своеобразного теоретического представления, что она должна покрывать сложившийся на определенный исторический период объем спроса на предметы потребления наемных рабочих, а прибыль – обеспечить для определенного объема накопления и вознаграждения собственника капитала за его предпринимательские усилия.

Как можно заметить, отход от классики идет путем отказа от категорий сущности. Об этом писал еще К. Маркс, критикуя С. Бейли. Этот автор отходит от категории сущности стоимости, принимая за нее внешнюю форму – меновую стоимость.

В качестве практического подтверждения такого суждения отыскиваются в практике количественные пропорции в сфере обмена, законом которого выступает, прежде всего, спрос и предложение. От количественного отношения, то есть от поверхностной формы, в которой проявляется меновая стоимость, поиски теоретического объяснения стоимости переносятся во внеэкономическую сферу, в область субъективного – сознания. «Бейли, – писал К. Маркс. – переносят вопрос в область сознания потому, что по части теории он зашел в тупик». В этот тупик он заходит сознательно, исходя из практических мотивов: отношений обмена, которые сами по себе никогда не открывают своей собственной сущности. Если у сторонников определения стоимости количественной пропорцией обмена, сознание продавцов и покупателей еще не выступает в качестве последней причины стоимости, то таковой оно становится впоследствии у представителей теории маржинализма.

Таким образом, можно выделить два этапа развития экономической теории. Первый этап характеризуется движением от попыток проникнуть в сущность экономических процессов ко все более поверхностным формам их проявления и к опоре в познании на практику обмена, законом которого выступает соотношение спроса и предложения. Второй этап – это переход от описания внешней видимости экономических явлений (при сохранении этого последнего) к описанию внеэкономических явлений, изучаемых другими науками. В поисках аргументов экономическая наука все чаще обращается к праву, истории хозяйства, социологии, психологии, этике, географии, математике, биологии и другим наукам.

Подмена исследования собственно экономических закономерностей закономерностями социальными, как правило, надстроечными некоторые исследователи рассматривают как наиболее тонкую форму вулгаризации. «Она выражается, – пишет В. С. Афанасьев, – в резком преувеличении реально существующих зависимостей экономических процессов от связанных с ними социальных явлений. Такова, например, правовая трактовка экономических процессов последователями социально-правовой школы, историческая интерпретация (в работах новой исторической школы), семантическое истолкование, вулгарно-социологическая трактовка экономических процессов (институционализм)» [1, с. 289]. Крайне сложно определить меру преувеличения зависимости экономических и социально-правовых явлений, ибо они действительно тесно взаимосвязаны в рамках современного механизма хозяйствования. Но как показывает современная хозяйственная практика, объединение экономических и социально-правовых явлений как объекта экономической науки обеспечивает ее близость к практике и способность непосредственного на нее воздействия.

При таком понимании объекта теоретического исследования производство у представителей социально-правовой школы выступает не как экономический, а технологический процесс, а производственные отношения – как правовые нормы, регулирующие взаимоотношения людей в производстве. Производственные отношения воспринимаются как правоотношения, т. е. только через внешние формы проявления. А поскольку нормы права являются отношениями надстроечными, идеологически не воспроизводимыми в хозяйственном процессе, то они поддаются практическому изменению через отмену одних норм права и утверждению других. При таком понимании предмета экономической науки последняя начинает заниматься практическими проблемами урегулирования взаимоотношений различных групп, участвующих в хозяйственном процессе. Например, заработная плата должна покрывать потребности в предметах потребления, а прибыль – обеспечивать существование капиталиста.

Как показывает история развития современной экономической мысли в развитых странах, последняя еще более отчетливо проявляет тенденцию к максимальной приближенности к практике. Именно практическими потребностями субъектов хозяйствования обусловлено по-

явление микроэкономического уровня исследования, дифференциация экономического знания, распространения математических методов анализа хозяйственных процессов. Основной предметной областью экономической науки становятся количественные функциональные зависимости рыночного хозяйства, рассматриваемые с точки зрения или отдельного капиталистического предприятия, отрасли, некоторой их комбинации, связывающей отдельные хозяйственные звенья единством практической цели.

Внимание последней сосредоточено на выборе характера производственного процесса, типе и структуре производимой продукции, эффективности функционирования приложенного капитала. Особое значение приобретают математические методы, создающие основу для более глубокого познания рыночного механизма, создание статических и динамических моделей спроса и предложения и т. п.

Исследования такого рода дают знания непосредственно пригодные к применению. Конкретные цели практического характера совпадают со средствами познания. Если в качестве цели выступает, **например, определение наиболее прибыльного функционирования предприятия**, то этому подчинены все способы получения такого знания. Локальный характер цели определяет средства познания.

Практика рыночного хозяйствования нуждается в такой науке, которая была бы способна разрешать экономические и социальные противоречия на собственной капиталистической основе.

В этом усматривается, с одной стороны, антиисторизм экономической науки, а с другой – особый характер отношения теории и практики. Локальный и временный характер таких решений очевиден. Вместе с тем он формирует особое прагматическое качество всего научного знания, а не только экономического. Но прагматический характер науки не исчерпывает всего её содержания, развитого именно в рамках капитализма и имеющего непреходящее значение. Достижения науки, прежде всего естествознания, в условиях капитализма огромны.

Но социально-экономическая наука находится в особом положении. Беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, разделённом на различные социальные группы, получающие разными способами личные доходы. И все же достижения экономической науки в период становления капитализма и формирования предпринимательского слоя в лице классиков политической экономии от В. Петти до Д. Рикардо являются примером беспристрастного поиска истины, создания теоретической картины действительности. Теории же, приспособленные к практическому обслуживанию существующего положения вещей, достигают единства с практикой лишь по видимости. Именно таким образом понимаемая идея единства теории и практики представляется единственно возможной формой их связи.

В утилитарно понятой теории как руководстве по практическому обслуживанию существующего положения вещей игнорируется суверенитет теории, достоинство понимания сущности, представленной как научная система, практическое значение которой не исчерпывается практическим выводом.

Таким образом, реально существующие различия между теоретическим способом подхода к действительности на основе понимания её сущности и эмпирическим подходом, имеющим ограниченную цель, подчиненную конкретным нуждам практики. Узкий практицизм отрицает достоинство всеобщности, которым обладает теоретический взгляд на вещи. Эмпирический подход ограничивает научную мысль теми свойствами и характеристиками изучаемого предмета, которые существенны для данных, но ограниченных форм практики. Тогда как понимание сущности процесса, открываемое теорией, даёт возможность видеть то, что скрыто за внешними формами вещей и процессов, а значит, познать более глубоко и разносторонне практику.

Как отрыв теории от практики, от исследования действительности лишает теорию реально исторического предмета, а тем самым социальной и научной значимости, так и подчинение теории сложившимся формам практики делает их ущербными в силу их абстрактности. В итоге крайними формами неисторического понимания обособленности теории и практики выступают схоластика и эмпиризм. Разобщённость теории и практики ведёт к представлению об изолированности предмета и метода самой теории, фундаментальных и прикладных исследований. Изначально теория и практика рассматриваются как разобщённые виды деятельности. При таком представлении о соотношении теории и практики последняя лишается главного: возможности быть осознанной, понятой, осмысленной. Практическое действие, если оно исходит

непосредственно из сущности этого предмета, на который направлено преобразовательное действие, учитывает всего совокупность условий, в которых предстанет эта действительность или процесс. В таком случае сущностью отношения теории и практики является их взаимодействие, понимаемое как реальный конкретно-исторический процесс развития теории и практики.

Когда же теория рассматривается как нечто противоположное практике, она заведомо лишена своего существенного свойства: необходимости превратиться в метод и способы практических действий, обладать достоинством осознанной действительности.

Если практика рассматривает теорию как момент обслуживания ее самой, то она не способна критически относиться к своим сложившимся формам, то есть она внеисторична.

Рефлексия такой практики принимает форму эмпиризма. Сама природа эмпиризма покоится на представлении, что сущность практической деятельности может быть раскрыта в описании экономических фактов, статистических данных, хозяйственных действий, а не в их критическом анализе. Упускается из виду то, что уже сам сбор фактического материала предполагает наличие некоторого понимания того признака, по которому совершается отбор данных. Если исследователь не исходит из предпосылки, что в любой простейшей познавательной операции присутствует определённая теоретическая установка, определённое представление о той или иной возможности связи явлений хозяйственной жизни, то само это действие по обобщению фактического материала остаётся непонятым и тем самым произвольным. В таком случае хозяйственная практика, не будучи познанной теоретически, но проиллюстрированной **примерами, цифрами, таблицами**, показателями создает видимость научного исследования практики. Однако такая практика, преподнесенная в кажущейся исследователю наукообразной форме не охвачена теорией, поскольку исходное представление о практике, её основы и принципы не были проанализированы критически. Поэтому такая практика остаётся не пронизанной теорией, какой она была и до иллюстрации таблицами, **примерами и показателями**. **Последнее только подтверждают и оправдывают** произвольно принятые предпосылки при сборе материалов. Причиной этого является эмпирический характер метода исследования, заимствованного у **простого здравого смысла**. Итогом такого исследования является предмет без определения его сущности, т. е. на уровне видимости, но поданной в **иллюзорной наукообразной форме**. **Количественная, описательная характеристика** предмета остаётся главным признаком эмпиризма во всех его разновидностях и одновременно способствует его широкому распространению через непосредственное его восприятие здравым смыслом. Эмпиризм всегда стремится продемонстрировать тесную связь с практикой путём отношения и регистрации фактов вместо их критического анализа.

Но он не становится теорией, поскольку появляется лишь там, где нет сознательного стремления проникнуть в сущность исследуемого предмета. Эмпиризм же основывается на видимости, как на своём фундаменте.

Он сводит различие между теорией и практикой в плоскость различий, в уровнях абстракции. Однако степень теоретического познания предмета не в уровнях абстракции, а в раскрытии его собственной природы, независимо от количества фактов, которые попадают в поле зрения науки. Если осуществляется практическое преобразование действительности, исходя из познанной сущности предмета, то такое действие носит, по сути, теоретический характер. В таком осознанном, сущность предмета действий, происходит развитие теории и практики и их конкретно-исторического отношения друг к другу.

Напротив, абстрактная теория, обобщающая множество фактов путём отыскания формально общего признака, например, удельного веса частной собственности в различных национальных экономиках, не откроет ничего нового, чего не содержалось бы в исходных предпосылках такого анализа. В тех случаях, когда под субъективно принятые решения, которые не основывались на теоретическом видении действительности, наука подводила «теоретическое» основания, она действовала не в соответствии с эмпирическими принципами, а с принципами угодничества, «освящения» теорией неосознанных практических решений.

В таких случаях наука лишается своего собственного содержания, особенностью которого есть критическое отношение к существующему положению вещей. Задача теории сводится к наукообразной форме обоснования самой практики. Теория, следующая покорно за практикой, не оценивающая её критически, не продвигается на пути познания действительности. Наука не исследует содержания самого предмета, которое связано с критическим отношением к любому на-

личному состоянию, к любому достигнутому результату. А не критический характер практики обусловлен отсутствием в её составе теоретического момента. Такое положение теории и практики порождает схоластику, сущность которой заключается в отсутствии у науки реального предмета.

Когда наука лишается своего предмета, но сохраняет свой методологический инструментарий, она начинает искать предмет в формах логизации и гносеологизации конкретных экономических проблем. Внешне это выглядит как повышенный интерес исследователей к методологическим проблемам экономической теории. Непосредственная задача исследования самих производственных отношений отодвигается на второй план, на первый план выходят исследования принципов и способов экономического анализа в качестве необходимой предпосылки самого изучения производственных отношений. В этом случае первостепенный интерес к методологии исследования обусловлен не содержанием самого предмета и его особенностями, а его отсутствием. В таком случае экономическая наука выводит практику из-под теоретического, критического анализа, поскольку критике подвергается сам методологический инструментарий, а не наличная хозяйственная практика. В таком случае происходит подмена предмета самой теории, им становится сам метод исследования, а экономическая теория объективно вытесняется в область философской проблематики.

Предметом экономического исследования является уже не реальность, а логическая форма, которая, как известно, представляет собой предмет философии.

В таком случае образуется некий квазипредмет, который заменяет действительный анализ противоречащих друг другу фактов и противоречий. Подлинного научного развития не получает ни логическая форма, ни экономический материал, поскольку логическая форма является предметом философии, а экономический материал становится предметом применения этой логической формы.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Практическая направленность экономической теории реализуется, с одной стороны, в строго определённой среде общественной практики, по отношению к которой теоретические выводы имеют непосредственное прикладное значение, – методов практического действия на основе познанных внутренних противоречий предмета. С другой стороны, экономическая теория является методологической и теоретической основой конкретного экономического знания, способом понимания и анализа экономических фактов через призму социально-экономической природы существующей хозяйственной системы.

Отношение теории и практики по своему сущностному определению есть их взаимодействие, она всегда обретает конкретно-историческую форму, т. е. форму, зависимую от характера практики. Стало быть, само это взаимодействие имеет системный характер, поскольку теория отражает системный характер практического действия.

Список использованной литературы

1. Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политэкономии/ В.С. Афанасьев. – М.: Мысль, 1971. – С. 289.
2. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего / Б. Гильдебранд. – СПб, 1880. – С. 19, 31.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е изд.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 22. – С. 307.

У статті проаналізовано теоретико-методологічні підходи до визначення природи евристичного потенціалу політичної економії. Розглянуто причини й особливості його формування та використання в умовах ринкової економіки.

Ключові слова: предмет політичної економії, евристичний потенціал економічної науки.

The article analyzes theoretical and methodological approaches to determining the nature of the heuristic potential of political economy. The causes and characteristics of the formation and use it in a market economy.

Key words: the subject of political economy, the heuristic potential of economic science.

Надійшло до редакції 20.06.2012.